

Также следует отметить, что женщины предлагают большее количество разнообразных путей решения, они склонны к детальному обоснованию, мотивированию своих вариантов принятия решения и поступков. Причем женщины гораздо чаще при принятии решений ссылаются на свою интуицию, чем мужчины-руководители [3, с. 129].

Анализируя стилевую специфику процесса принятия решения, можно прийти к выводу, что женщинам свойственна направленность на искажение объективных связей, перенесение их на себя как на субъект познания и активности в рамках управленческой ситуации, чем среди мужчин. Среди мужчин в основном распространена направленность к наиболее объективному анализу ситуации в сфере управления, а также дальнейшему ее изменению. Но при этом действия женщин-управленцев направлены на совершенствование отношений, а мужчин – на перестройку установленных правил и норм.

Что касается принятия решений в ситуации риска, то в данной ситуации главенствующую роль играет не гендерный признак, а стаж управления. У опытного работника готовность к принятию решения в условиях риска ниже, чем у работников с меньшим стажем. Однако женщины-руководители предпочитают более осторожные стратегии. Мужчинам в процессе принятия решений свойственен более высокий уровень риска, что обуславливается их независимостью в действиях с более яркой потребностью в самоутверждении.

Таким образом, процесс принятия управленческих решений у мужчин и женщин-руководителей различается как по мотивам, так и по направленности. Данные особенности в большей мере обусловлены психологическими установками и характеристиками, оказывающими влияние на специфику управления. Однако следует отметить, что женщины-руководители при необходимости принимают управленческие решения, которые в массовом сознании трактуются как мужские.

Список использованных источников

1. Салихов, Ф.Н. Понятие и сущность управленческих решений / Ф.Н. Салихов // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. – Москва, 2014. – № 17. – С. 112–115.
2. Ацапкина, В.В. Гендерные аспекты карьерного продвижения // В.В. Ацапкина, Х.В. Хоанг // Социально-культурные факторы консолидации современного российского общества: сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Пенза.: Приволжский Дом Знаний, 2019. – С. 10–12.
3. Кошарная Г.Б. Проблемы карьерного роста женщин в России и зарубежных странах / Г.Б. Кошарная, Е.С. Тарханова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – №2 (42). – С. 126–137.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В. Ф. Байнев,

докт. экон. наук, профессор, зав. кафедрой инноватики
и предпринимательской деятельности
Белорусского государственного университета, г. Минск

Ю. Ю. Рунков,

соискатель экономического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск

В условиях, когда лидеры мировой экономики осуществляют четвертую индустриальную революцию Industry 4.0, модернизация (инновационное развитие) промышленного комплекса Беларуси с учетом новых возможностей, открывшихся в процессе цифровой трансформации (цифровизации) ее экономики, является исключительно важной и актуальной задачей. Вместе с тем, мы считаем, что вместо абстрактного

понятия «цифровая трансформация (цифровизация)» следует использовать термин «цифровая индустриализация», более адекватно характеризующий сущность и содержание протекающих в нынешней мировой экономике процессов.

Прежде всего, отметим, что под *индустрией* мы подразумеваем сектор промышленного комплекса, связанный с масштабным продуцированием и использованием машин. При этом современной *машиной* следует считать техническое (механическое или электромеханическое) устройство, служащее для преобразования какого-либо вида природной энергии в полезную работу с целью замещения в производственном процессе мускульно-двигательной энергии и (или) интеллектуальных способностей работника. Именно новые виды машин, порождаемые на каждом очередном этапе эволюции техники и технологий и берущие на себя выполнение все более сложных функций человека, способствуют кардинальному повышению производительности его труда. Соответственно, *индустриализация* – это непрерывный процесс конструирования, изготовления, совершенствования машин (техники) и оснащения ими всех сфер социально-экономической практики. Поскольку день ото дня масштаб использования машин только нарастает, ни о каком постиндустриальном обществе и постиндустриальной экономике всерьез не может быть и речи, имеет смысл дискуссировать лишь о периодах, фазах, этапах индустриализации. Иными словами, сегодня актуализируется проблема типизации (классификации) этапов индустриализации с учетом их технико-технологических и политико-экономических особенностей.

К настоящему времени некоторые исследователи в рамках изучения развития промышленного комплекса предприняли попытки выделить этапы индустриализации, классифицировать ее периоды. В частности, российский исследователь С.С. Губанов применительно к России склонен выделять лишь два таких периода, а именно ленинско-сталинскую индустриализацию, осуществленную в советский период, и неоиндустриализацию, начавшуюся в конце прошлого века [1]. На наш взгляд, такой подход к анализу индустриализации представляется несколько упрощенным.

В западных странах, включая ЕС и США, с недавних пор широко используется периодизация технико-технологического прогресса К. Шваба, согласно которой эволюция техники и технологий включает первую-четвертую индустриальные революции [2]. Данная система периодизации учитывает, в основном, технико-технологические особенности (новые виды техники, источники энергии, материалы и т. д.) выделяемых периодов. При этом вне поля зрения остались фундаментальные политико-экономические сдвиги в жизни общества, обусловленные этими индустриальными революциями.

Тем же самым недостатком во многом страдает и система классификации этапов технико-технологического прогресса Д. Львова – С. Глазьева, подразумевающая выделение первого-шестого технологических укладов и являющаяся общепринятой в государствах ЕАЭС, включая Республику Беларусь [3]. Кроме того, выделение шести периодов эволюции техники и технологий, на наш взгляд, представляется необоснованно детализированным (излишне подробным), поскольку технико-технологический прогресс обеспечил лишь три фундаментальных сдвига во взаимоотношениях человека и машины, о чем пойдет речь ниже. К тому же данная система классификации делит на этапы эволюцию человеческой цивилизации в целом, в то время когда целью нашего исследования является анализ лишь определенного периода данной эволюции, связанного с появлением и совершенствованием машин. Вместе с тем справедливости ради следует отметить, что в последнее время С. Глазьев в своих публикациях ведет речь уже не просто о технологических, а о мирохозяйственных укладах, акцентируя внимание читателей не только на достижениях техники и технологий, но и глобальных изменениях в мировой экономике и социуме [4]. Однако даже с учетом этого обстоятельства обозначенная в начале данной статьи проблема периодизации собственно индустриализации в контексте данных выше пояснений не утратила своей актуальности.

Китайские специалисты используют свою собственную классификацию периодов технико-технологического прогресса и индустриализации (аграрный период, первая индустриализация, модернизация, инновационная пауза, вторая индустриализация, построение экономики знаний) [5], на которую, также как и на систему периодизации С.С. Губанова, наложила свой отпечаток местная специфика политической жизни.

В связи с этим мы предлагаем авторскую систему классификации этапов индустриализации, свободную от перечисленных выше недостатков. Данная система всецело базируется на учете основного предназначения машин и технико-технологического прогресса в целом, заключающегося в экономии, замещении, высвобождении труда человека, в повышении его производительности [6].

В рамках данного подхода нами выделяется:

- *доиндустриальная эпоха* (соответствует первому технологическому укладу в системе классификации С. Глазьева), характеризующаяся отсутствием машин как таковых, масштабным использованием ручного труда и не преобразованной природной энергии – мускульной силы человека и животных, открытого огня, ветра, движущейся воды и т. п. Базовое звено экономики в этот период – *мелкое («атомарное») производство*;

- *первый этап индустриализации – энергетическая (силовая) индустриализация* (второй-третий технологические уклады в системе классификации С. Глазьева, первая-вторая индустриальные революции в системе К. Шваба). Общая ключевая особенность данного этапа – использование машин для *механизации производства*, то есть для замещения мускульно-двигательных функций человека. Энергетическим базисом данного этапа следует считать: а) *химическую энергию топлива*, преобразуемую тепловым двигателем в механическую энергию (в фазе второго технологического уклада по С. Глазьеву и первой индустриальной революции согласно К. Швабу); б) *энергетическое (силовое) электричество*, преобразуемое электродвигателем опять-таки в механическую энергию (в фазе третьего технологического уклада – второй индустриальной революции) Базовое звено экономики на данном этапе индустриализации – *растущее предприятие, компания, фирма*;

- *второй этап индустриализации – информационно-коммуникационная (электронная) индустриализация* (во многом соответствует четвертому-пятому технологическим укладам – третьей индустриальной революции). Способность машин, оснащенных вычислительными процессорами, запоминать и реализовывать тот или иной алгоритм управления техникой обеспечила возможность *автоматизации производства* – замещения функций работника-оператора, управляющего машиной. Автоматизация – ключевой признак второго этапа индустриализации, его энергетический базис – информационное электричество, а ведущее звено хозяйственной системы – *национальная и транснациональная корпорации*;

- *третий этап индустриализации – информационно-интеллектуальная (цифровая) индустриализация* (отчасти соответствует пятому-шестому технологическим укладам – четвертой индустриальной революции). Ее главная характерная особенность – *интеллектуализация техносферы*, подразумевающая взятие на себя машинами выполнения все более и более сложных интеллектуальных и даже творческих функций человека. Энергетическим базисом цифровой индустриализации следует считать интеллектуальное электричество, циркулирующее в недрах миллиардов микропроцессоров, интегрированных воедино на базе «промышленного интернета» и «интернета вещей» (технический аналог «разумного» электричества, служащего для взаимодействия миллиардов нейронов человеческого мозга). Перспективной организационной формой хозяйствования в результате цифровой индустриализации станут *глобальные цифровые корпорации*, которые по уровню конкурентоспособности многократно превзойдут нынешние транснациональные корпорации [7, 8].

Таким образом, сегодня для Беларуси и других дружественных ей стран актуальна не просто абстрактная цифровизация, связанная с масштабным использованием импортных цифровых устройств и, в лучшем случае, написанием для них несложных программных приложений. Подобная цифровая трансформация чревата утратой технологического, экономического, а значит, и политического суверенитета. Нашим главным стратегическим приоритетом должна быть официально обозначена цифровая индустриализация, подразумевающая продуцирование собственной цифровой техники, включая ее элементную базу и программное обеспечение, с целью массового оснащения ею всех секторов отечественной социально-экономической практики. Конечная цель цифровой индустриализации – формирование своих собственных глобальных цифровых корпораций, интегрирующих конкурентные преимущества белорусского, российского, казахского и т. д. капиталов, с целью достижений глобальной конкурентоспособности в XXI веке [7].

Список использованных источников

1. Губанов, С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С.С. Губанов. – М.: Книжный мир, 2012. – 224 с.
2. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution / K. Shewab // Foreign Affairs. December 12, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution> – Дата доступа: 27.11.2019.
3. Глазьев, С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С.Ю. Глазьев. – М.: ВлаДар, 1993. – 310 с.
4. Глазьев С. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2018. – 768 с.
5. Бинь, Ч. «Четвертая промышленная революция» как технико-технологический и политико-экономический феномен / Ч. Бинь, В.Ф. Байнев // Новая экономика. – 2017. – №1(69). – С. 4–10.
6. Ельмеев, В.Я. Социальная экономия труда (Общие основы политической экономии) / В.Я. Ельмеев. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 576 с.
7. Байнев, В.Ф. Новая, цифровая индустриализация Союзного государства Беларуси и России в контексте эволюции техники и технологий / В.Ф. Байнев // Экономист. – Москва, 2019. – №6. – С. 10-15.
8. Байнев, В.Ф. Техничко-технологический прогресс как ключевой фактор развития регионов в XXI веке / В.Ф. Байнев, Ю.Ю. Рунков // Проблемы развития территории. – Вологда, 2019. – № 4 (102). – С. 148–162.

УПРАВЛЕНИЕ РЕСУРСНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ КАК ФАКТОР УСПЕХА ОРГАНИЗАЦИИ В КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЕ

А. И. Богуш,

исследователь, старший преподаватель кафедры мировой и национальной экономики Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, г. Гомель

Главным приоритетом Республики Беларусь на современном этапе развития является формирование экономики, основанной на информации и знаниях, которые превращаются в важнейший фактор экономического роста. В этих условиях основой экономического управления является такая стратегия развития, которая обеспечивала бы своевременное принятие управленческих решений, направленных на эффективное использование ресурсного потенциала организации, рост масштабов производства, повышение качества продукции и инновации.

В этимологическом значении потенциал происходит от латинского слова «*potentia*», что в переводе означает сила, мощь [1]. Современная экономическая теория и практика в качестве предмета исследований рассматривает различные виды потенциалов: народнохозяйственный, экономический, производственный, ресурсный, кадровый, научный, научно-технический, научно-инновационный и др.